

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ФРАНЦИЯ

АНАТОЛЬ ФРАНС

ДЕЛО УЛИЧНОГО
ТОРГОВЦА

ВЫПУСК

№ 6

ПЕТЕРБУРГ
МСМХІХ

W 190
Вып. № 6.

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

АНАТОЛЬ ФРАНС

ANATOLE FRANCE

1844

ДЕЛО УЛИЧНОГО
ТОРГОВЦА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
З. ВЕНГЕРОВОЙ

П Е Т Е Р Б У Р Г
1919

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
при Народном Комиссариате по Просвещению

IX-507

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Анатолий Франс родился в 1844 году, в Париже. Он сын книгопродавца, собирателя редкостных книг и произведений искусства. Франс с детства полюбил и всю жизнь любил старинный уголок Парижа, где он вырос — часть набережной Сены, далекую от лихорадочной суеты шумных столичных бульваров. Там, в этом уголке, средоточие умственной жизни Парижа; вдоль берега реки ютятся лари букинистов; в глубине видны благородные очертания исторического луврского дворца; между берегами, покрытыми трепещущей зеленью платанов, тянется Сена, подернутая туманом по утрам, отливающая серебром в лучах заката. В глубину уходят узкие улицы латинского квартала — центра университетской жизни и мира учащейся молодежи; там высится чудо средневекового зодчества, кружевная часовня святого Людовика, с ее рдеющими росписными окнами, и влекут к себе взоры строгие линии старинных серых зданий. Все это дышит теперь такую же тиши-

ной и так же располагает к раздумью, как в минувшие века, когда туда приходили любознательные юноши и мирные книжники и не знали высшей радости, чем перелистывать заманчивые старинные книги и разглядывать гравюры у знакомого книгопродавца.

Этот старинный Париж — духовная родина Анатоля Франса, и там сложилась жизненная мудрость художника-мыслителя. Он сам в своих книгах, точно книжник-монах старинного монастыря, с улыбкой созерцающий жизнь из окон своего книгохранилища, отделенный от нее и свободный от ее волнений. Из старых книг Франс вынес безмятежное отношение к битвам жизни. Он знает цену всему, и не ставит ничего из человеческих стремлений и начинаний столь высоко, чтобы осудить противоположное. Он знает — в этом заключается его книжная мудрость — что нет единой правды, и потому относится ко всем учениям с улыбкой снисхождения и с иронией.

Книжник Франс вынес, однако, и другую живую истину из мудрости веков, из знакомства со всеми былыми верованиями и заблуждениями, из сопоставления их с тем, что волнует разум и чувства людей теперь, как и во все времена. Истина эта человеческая — единственно нужная людям, и она заключается в любви и жалости.

Все, что идет только от разума—все отвлеченные учения представляются Франсу если не одинаково ложными, то одинаково правыми, то-есть не заключающими в себе истины. И оних не опровергает только потому, что сам ничего не утверждает как непреложную истину.

Примирительное отношение ко всему является у Франса утонченно иронической формой всеотрицания и составляет философскую основу его художественных произведений. Но его отрицательная философия согрета сочувствием к людям, к тем, которые исповедуют самые противоположные учения, и к тем, которые грешат против всяких установленных законов. И в торжествующих духом, и в падающих, в грешных и слабых, Франс видит отражение борьбы, происходящей в их душах. Борьба эта—залог высшего назначения человека, его пути к добру.

Так отрицательная философия Франса приводит его к любви к людям со всеми их слабостями и падениями—и даже, в особенности, к падающим и страдающим. Любовь к людям, забота о страдающих, изобличение источников человеческих страданий—поскольку в них повинны люди—составляет сущность всех произведений Анатоля Франса. Философское отрицание соединяется в них с любовным отношением к людям, и оно приносит с собой не только

покорность жизни, но и глубокую радость от всего живущего.

Терпимость ко всем учениям, снисходительность ко всем людям и вместе с тем тонкое чутье к духовно прекрасному и истинному в проявлениях жизни—таков общий фон рассказов и повестей Франса. Он обладает огромным знанием истории человечества, а также тонким и острым пониманием живой действительности и включает в круг своих повествований как глубокую старину, так и происшествия, волнующие Францию наших дней. Многие рассказы относятся к далеким минувшим векам, и Франс тяготеет преимущественно к переходным временам, к тем, в которых вера сплетается с неверием, и тем ярче проявляется несостоятельность всего рассудочного. Ей Франс противопоставляет богатство непосредственной жизни души—победную силу любви и радости жизни. Так он изображает смутные души людей той поры, когда между язычеством и христианством было еще много родственного, когда среди извращенных и уставших душой язычников пробивалось христианское настроение, а христиане еще полны были языческих чувств и желаний.

Свое учение о терпимости Франс вкладывает также в изображение восемнадцатого века, прославленной эпохи неверия и изы-

сканно любовного отношения к жизни. Франс любит излагать свои мысли устами какого-нибудь мудреца, с улыбкой взирающего на жизнь, и особенно близки ему по духу эпикурейцы-аббаты восемнадцатого века. В уста одному из них, Жерому Куаньяру, Франс вкладывает в нескольких связанных между собой книгах („Харчевня Королевы Гуселапчатой“, „Взгляды Жерома Куаньяра“) учение о нравственности, основанное на одинаковой любви к добрым и злым. Поучая своего ученика, Куаньяр не подвергает жизнь суду отвлеченной морали, но говорит от имени как бы сомнища ангелов, призванных рассматривать неведомые им прегрешения. Он судит жизнь как человек, сам искушенный в мирских делах и знающий на собственном опыте, как велика слабость человеческой воли „Я не ошибаюсь относительно людей“, — говорит Куаньяр, выражая мысль Франса, — „и чтобы не ненавидеть их, — я нежно их презираю...“ Презрение Куаньяр считает самым гуманным чувством, ибо оно разбивает кумир чести и заменяет ничем необоснованное взаимное почитание благотворными чувствами взаимной жалости и любви.

Безупречное поведение не служит поэтому для Куаньяра мерилom для суждения о человеке. Напротив того, для него ясно, что „взаимодействие любви и голода“ часто толкает нас

на дурные поступки; он поэтому не судит и не осуждает за них. Он ценит только тяготение к святыням, стоящим выше человека, ибо с ними связано непосредственное влечение ко всему, что объединяет людей в любви, а не раз'единяет их в гордыне взаимного суда и осуждения.

С такой же иронической снисходительностью Франс изображает и современную французскую действительность в целом ряде книг, объединенных под общим заглавием „Современная история“ („Под придорожным вязом“, „Аметистовый перстень“, „Манекен из прутьев“). В них вымышленные происшествия переплетаются с действительными событиями французской политической и общественной жизни. В центре повествования стоит — как и в других книгах Франса — скептик-философ, ученый профессор Бержере. Он умеет отвлечься от волнений каждого данного момента и судит о событиях, даже когда сам является участником, а иногда даже жертвой, с таким же беспристрастием, как о хорошо изученных эпизодах истории древнего Египта. Все свои переживания Бержере подводит под вечные законы, исторические и психологические. Это создает атмосферу внутренней свободы, и она ярко оттеняет беспощадно разрушительную общественную сатиру, заключающуюся в трех

книгах „Современной истории“. Все устои буржуазной Франции, ее политические идеи, а также утвердившиеся принципы правосудия, семейной морали и т. д., прикрывающие внутреннюю ложь, освещая гнет и насилие над слабыми — все это Франс обличает с последовательностью и убедительностью революционера. Острота его иронии, художественная форма его улыбающегося скептицизма не только не ослабляет общественного значения его писаний, а придает им еще большую силу.

Новейшие произведения Франса („Боги жаждут“ и „Мятеж ангелов“) все ближе подходят в том же обличительно примирительном духе к самым волнующим вопросам современной действительности. Они освещают человеческую, то-есть единственно подлинную правду самых крайних течений общественной мысли.

Мы назвали лишь крупнейшие из произведений Франса. Они охватывают вместе с множеством других его повестей и рассказов духовную жизнь самых различных эпох человечества, и к ним, то-есть ко всему творчеству Франса, применимо то определение, которое он сам дает своему мирозерпанию: „Чем больше я думаю о человеческой жизни“, — говорит он в „Саду Эпикура“, — „тем больше я полагаю, что судьями и свидетелями в суждениях о ней должны быть ирония и сострадание.

подобные богине Изиде и богине Нефтиде, которых египтяне призывали на помощь умирающим. Ирония и сострадание — две хорошие советчицы: одна, улыбаясь, делает жизнь более отрадней; другая слезами придает ей более священный характер. Ирония, к которой я взываю, не жестока. Она не осмеивает ни любовь, ни красоту. Она кротка и доброжелательна. Ее смех умиряет гнев, она учит нас смеяться над злыми и глупыми, которых без этого мы имели бы слабость ненавидеть“.

Сатира Франса становится наиболее беспощадной, когда касается правосудия или, вернее, того, что в общественной жизни и в соответствии с законами принято называть правосудием. В разных местах своих произведений Франс решительно восстает против суда, против смертной казни и высказывает недоверие к законам. Законы созданы людьми. „А это“, — говорит он, — „очень темное и мало внушительное происхождение“.

Особенно резкой, почти анархической сатирой, обличающей сущность судопроизводства, является рассказ „Дело уличного торговца“. Франс стремится понять, а не судить людей, и поэтому в современном строе его больше всего возмущает институт суда. В своем рас-

сказе он наглядно и с неумолимой логикой противопоставляет живую правду человеческого поступка правде „юридической“. „Закон“ выполняет предназначенную ему задачу, считаясь только со своими отвлеченными основами; как полагается в благоустроенном обществе, он торжествует победу над всяким сопротивлением — хотя бы и мнимым. А в результате — раздавленное существование ни в чем неповинного старика-труженика.

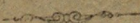
В „Деле уличного торговца“ ярко выступает художественность и убедительность сатирических приемов Франса. Чтобы разоблачить основную ложь правосудия, как оно понимается судьями и всей иерархией служителей закона, от полицейского на посту до председателя суда, Франс тщательно, в мельчайших, психологически обоснованных подробностях, доказывает правоту каждого в отдельности из соучастников великой лжи. Прав полицейский, услышав произнесенное ругательство, ибо при отношениях, сложившихся между городским населением и полицией, вполне естественно было ожидать это ругательство в ответ на окрик. Прав и судья, основываясь в своем приговоре на показании полицейского, а не подсудимого, — и Франс с тончайшей иронией доказывает в отдельной главе его принципиальную правоту. Но этой „правоте“ Франс

противопоставляет художественно воссозданную простую правду, а пышности судопроизводства беспомощность невинной жертвы. Эти сопоставления отражают глубоко прочувствованную жалость и любовь к страдающему человечеству и заключают в себе уничтожающую сатиру на суд. По яркости и художественной убедительности ее можно сравнить только с изображением суда в таком гениальном произведении как „Воскресение“ Льва Толстого.

В необычайно картинном при всей своей краткости рассказе Франса изображен быт парижского рабочего люда, и любопытно отметить отношение Франса к труду. Его уличный торговец — труженик, у которого за плечами шестой десяток лет тяжкого труда. Франс с теплой любовью рассказывает о нем и о его жизни, но горе своего старика он видит не в самом труде, среди которого состарился простодушный Кренкебиль. Напротив того, Франс изображает в привлекательных красках обстановку неустанной работы старика и дает бодрящую веселую картину трудового напряжения городской жизни. Проклятием Кренкебиля становится не труд, а выдуманные, искусственные отношения между людьми, занимающими различные положения в жизни. Труд—естественное применение сил человека, и не от него идет зло. Задача общества создавать для труда

наиболее целесообразные условия, увеличивая вместе с производительностью и естественную радость работы. Величайшее зло общественной жизни—то, что искусственно тормозит труд, нарушая права трудящихся, уничтожая святость и радость труда. Анатоль Франс неоднократно высказывал такой взгляд на отношения общества к труду, — и „Дело уличного торговца“ один из ярко художественных образцов его обличительной манеры, когда дело касается преступлений против трудящихся масс.

Зин. Венгерова.

ДЕЛО УЛИЧНОГО ТОРГОВЦА.

I.

Кренкебиль.

Величие правосудия проявляется во всей своей полноте в каждом приговоре, постановляемом судьбою от имени державного народа. Жером Кренкебиль, уличный торговец, имел случай познать священность закона, когда был привлечен к суду за оскорбление одного из агентов полицейской власти. Заняв свое место на скамье подсудимых в великолепном и мрачном зале, он увидел перед собою судей, протоколистов, адвокатов, облеченных в мантии, судебного пристава с цепью на шее, жандармов и, за перегородкой, обнаженные головы безмолвных зрителей. И сам он оказался сидящим на возвышенном сиденье, как будто появление перед судьями даже и для обвиняемого являлось особой, хотя и роковою, честью. В глубине зала, между двумя ассессорами, восседал председатель суда Буриш. Грудь его украшали академические пальмы. На стене, над самым судебским столом, виднелся бюст Республики и висело Распятие; казалось, точно все божеские и человеческие законы готовы были обрушиться на голову бедного Кренкебиля. Это привело его во вполне понятный ужас. Не обладая философски развитым умом, он не задавался вопросом, что означали этот бюст и это Распятие, поме-

щенные рядом, и насколько Христос в своем терновом венце и Марианна *) в своей фригийской шапочке подходили друг к другу. А между тем, об этом стоило поразмыслить; в сущности, ведь папские доктрины и каноническое право совершенно расходятся по весьма многим пунктам с основными законами республики и с гражданским правом. Как известно, декреты ***) еще до сих пор не отменены, и церковь Христова попрежнему учит, что законными являются лишь те власти, которые утверждены ею. Французская же республика полагает, что она несколько не зависит от папской власти. Поэтому Кренкебиль мог бы не без некоторого основания сказать следующее:

— Господа судьи, так как президент республики, господин Лубэ, не получил помазания, то Христос, висящий над вашими головами, через посредство соборов и пап, отрицает ваше право на власть. Или он находится здесь для того, чтобы напомнить вам о правах церкви, а они упраздняют ваши права, или присутствие его в этом зале не имеет ни малейшего смысла.

На это судья Буриш, может быть, ответил бы так:

— Обвиняемый Кренкебиль, французские короли вели распри всегда с папским престолом. Вильгельм Ногарэ был отлучен папою от церкви, но и не подумал из-за таких пустяков сложить с себя власть. Христос залы суда не Христос пап Григория VII и Бонифация VIII. Это скорее евангельский Христос, который не имел

*) Фамильярное обозначение изображения Республик.

**) Послания, которыми папы прежних времен отвечали на обращения к ним с вопросами и за советами.

понятия о каноническом праве и даже не слышал про священные декреты.

Но тогда Кренкебиль имел бы законное основание сказать вот что в ответ.

— Евангельский Христос не имел где поклонить главы Своей. Обвинительный же приговор ему вот уже девятнадцать веков как все христианские народы считают величайшей судебной ошибкой. А потому я не признаю за вами, господин председатель суда, ни малейшего права присуждать меня во имя Христа хотя бы к аресту на двое суток.

Но Кренкебиль не предавался никаким историческим, политическим или социальным рассуждениям. Он был обят изумлением. Обстановка, в которую он попал, внушала ему чрезвычайно высокое мнение о правосудии. Исполненный величайшего почтения к суду, охваченный безотчетным страхом, он в вопросе о своей виновности готов был положиться на судей. Правда, в глубине совести, он не признавал себя преступным; но он чувствовал, как мало значения имеет совесть какого-то мелкого торговца овощами в глазах и служителей общественного возмездия, и перед величественными символами закона. Кроме того, и защитник Кренкебиля наполовину убедил его в его виновности. Быстрое и краткое судебное дознание выяснило те обвинения, которые тяготели над Кренкебилем.

II.

Что именно приключилось с Кренкебилем.

Жером Кренкебель, уличный торговец овощами, развозил по городу свой товар в небольшой ручной тележке и выкрикивал: «Вот капуста, морковка, репка!» А когда у него имелся и порей, то он кричал: «Спаржа, спаржа!» — считая, что порей — это спаржа бедняков. И вот, однажды, это случилось 20-го октября, около полудня, когда он с своей тележкой спускался вниз по улице Монмартр, башмачница, мадам Байар, вышла из своей лавочки, подошла к нему и, взяв с пренебрежительным видом пучек порея из тележки, сказала:

— Не важный он у тебя. А почему за пучек?

— Пятнадцать су, тетенька. Порей такой, что лучше и не сыщешь.

— Что? пятнадцать су за три головки дрянного порея! — И она с отвращением швырнула пучек обратно в тележку.

Вот тут-то к Кренкебилю подошел городской бляха № 64 и сказал ему:

— Проезжай, проезжай, любезный; не загроживай дороги.

Кренкебель вот уже лет пятьдесят только и делал, что с утра до вечера все «проезжал» по улицам с своей тележкой. А потому такое распоряжение представилось ему вполне правильным и соответствующим природе вещей. Он был готов повиноваться ему и тотчас же стал торопить покупательницу, чтобы она поскорее брала то, что считала подходящим для себя.

— Дай выбрать. А то как же мне покупать-то? — сказала башмачница обиженным тоном.

И она вновь принялась рыться в пучках порея, перетрогав их решительно все. Наконец, она выбрала тот, который показался ей самым лучшим, и прижала его к груди, совсем как на иконах святые прижимают к груди пальмовые ветви.

— Я дам за него четырнадцать су. Дороже не стоит, — и то цена хорошая. Но я не взяла с собой кошелька. Подожди минутку; я схожу за деньгами в лавку.

Держа в объятиях выбранный пучек порея, она быстро скрылась в свою башмачную, куда как раз перед тем вошла покупательница с ребенком на руках.

В эту самую минуту городской бляха № 64 вторично сказал Кренкебилю:

— Проезжай, говорю, со своей тележкой.

— Я жду денег, — ответил Кренкебиль.

— Я не про деньги говорю с тобой; я говорю — проезжай и не загораживай дороги, — настойчиво повторил городской.

Башмачница тем временем примеряла у себя в лавке голубые башмачки полутораговому ребенку; матери ребенка было некогда и она торопила продавщицу. А зеленые головки порея мирно лежали на прилавке.

Целые полвека Кренкебиль возил свою тележку по улицам и за это время научился беспрекословно повиноваться всякому представителю власти. Но на этот раз он очутился в весьма затруднительном положении, в виду возникшего столкновения между правом и обязанностью. Он не обладал юридическим умом и не понимал, что пользование личным правом ни-

сколько не освобождает человека от выполнения общественной обязанности. Он придавал слишком большое значение своему праву получить четырнадцать су с башмачницы и забывал, что обязанность его заключается в том, чтобы безостановочно возить свою тележку и не загроживать дороги. Поэтому он не тронулся с места.

Городовой бляха № 64 в третий раз, спокойно и не возвышая голоса, повторил ему приказание проезжать дальше.

В противоположность манере околоточного Монтосиеля, который вечно только грозит, но никогда не привлекает к ответственности, городской бляха № 64 скуп на слова, но не медлит составлять протоколы. Такой уж у него характер. Он, правда, угрюм с виду, но все же превосходный служака и честный солдат, храбрый, как лев, и кроткий, как младенец.

Он твердо знает правила полицейской службы и неукоснительно исполняет их.

— Не слышишь, что ли, что я говорю? Проезжай дальше.

Но у Кренкебиля была веская, на его взгляд, причина не трогаться с места, и он считал ее вполне достаточным оправданием своего образа действий. Он и высказал это совершенно просто и безыскусственно в таких выражениях:

— Да что это такое, прости Господи. Я ведь сказал, что жду денег.

На что городской бляха № 64 только ответил:

— А, так ты, видно, хочешь угодить в кузку? Чтож, я составлю протокол; за этим дело не станет.

Кренкебиль медленно пожал плечами в от-

вет на это и устремил на городского скорбный взор, который затем поднял к небу.

— Господь свидетель! — говорил его взгляд. — Разве я не уважаю законы? Разве я нарушал когда-нибудь правила и постановления, касающиеся уличной торговли в развоз. В пять часов утра, минута в минуту, я уже всегда на площади Главного Рынка. С семи часов я натираю себе мозоли, таща без устали по улицам свою тележку, и кричу, надсаживая горло: «Вот капуста, вот репа, морковка!» Мне стукнуло 60 лет; я устал. А вы меня спрашиваете, не собираюсь ли я поднять черное знамя бунта. Это насмешка — и очень злая, правду сказать.

Но потому ли, что городской не заметил скорбного выражения во взгляде Кренкебиля, или же не удовольствовался таким оправданием неповиновения предрежащей власти, но он спросил сухим и резким тоном, понят ли его приказ убираться прочь.

В эту самую минуту на улице Монмартр произошло невероятное скопление экипажей. Извозчики, фуры с мебелью, телеги, omnibusы, ломовики, прижатые друг к другу, так сцепились, что, казалось, им никогда не раз'ехаться. И над дрожью застывшего движения в воздухе носились крики и ругань. Извозчики перебрасывались издали крепкими словцами с ломовиками, а кондуктора omnibusов, считая виновником всей происшедшей кутерьмы Кренкебиля, во все горло честили его «поганым пореем».

На тротуаре собралась кучка любопытных и внимательно следила за столкновением полицейского с уличным торговцем. И городской бляха № 64, чувствуя, что на него устремлены все

взгляды, думал только о том, как бы не уронить свой престиж.

— Ну, хорошо,—сказал он...

И вынул из бокового кармана засаленную записную книжку и коротенький остаток карандаша.

Кренкебиль, убежденный в своей правоте, подчинялся какой-то внутренней силе и к тому же был и физически лишен всякой возможности двинуться назад или вперед. Колесо его тележки, по несчастью, зацепилось за колесо тележки молочника.

Он теребил в отчаянии волосы, выбивавшиеся из-под картуза, и кричал:

— Да говорят же вам, что я жду своих денег! Вот несчастье-то! Пропадом тут пропадешь с вами! Эх, право, что за люди!

Подобные слова, хотя в них и выражалось скорее отчаяние, чем бунт против власти, показались городовому бляха № 64 крайне оскорбительными. А так как всякое оскорбление, наносимое его чину, непременно облакалось для него в обычную традиционную, освященную временем, неизменную и даже литургическую, так сказать, форму: «смерть фараонам» *)—то неудивительно, что слова Кренкебиля, как только они достигли до его ушей, восприняты были им и усвоены именно в этой самой форме.

— А, ты сказал: «смерть фараонам!» Хорошо же. Марш за мною в участок.

*) Ругательная кличка полиции во Франции—*vache*, *vachard*, буквально корова, а в переносном смысле лентяй, растливающийся как корова, вместо того, чтобы работать; также *шапон*, *шин*—человек, продавшийся полиции. В русской обиходной речи слову *vache* наиболее соответствует общераспространенное обозначение городских ругательной кличкой «фараон». (Примеч. перев.)

Ошеломленный Кренкебиль ничего не сообщал от избытка горя. Он выпучил на городского свои большие, воспаленные от постоянного пребывания на солнце, глаза и надтреснутым голосом, который, казалось, исходил у него то как-будто из самой верхушки головы, то из пяток, воскликнул, скрестив руки на груди, поверх своей синей блузы:

— Это я сказал: «Смерть фараонам»? Я? Ведь выдумают же!

Приказчики и мальчишки со смехом смотрели на происходившую перед ними сцену. Их забавлял арест Кренкебиля. Людской толпе всегда нравятся гнусные и жестокие зрелища. Но, пробившись через толпу, к городовому подошел старик с печальным лицом, одетый во все черное, в цилиндре, и очень кротко, но в то же время твердо сказал ему тихим голосом:

— Вы ошиблись. Человек этот не сказал вам ничего оскорбительного.

— Не суйтесь не в свое дело,—ответил городской, без всяких на этот раз угроз, так как говорил с прилично одетым человеком.

Старик спокойно, но упорно настаивал на своем. Тогда городской отдал ему приказ следовать с ними в участок, чтобы дать показания полицейскому комиссару.

Между тем, Кренкебиль снова воскликнул:

— Это я-то сказал: «Смерть фараонам»? Да что же это такое!..

Едва успел он произнести эти слова, выражавшие его удивление, как к нему подошла мадам Байар, башмачница, с четырнадцатью су в руках. Но городской бляха № 64 уже держал Кренкебиля за шиворот. Тогда мадам Байар, в полном убеждении, что нет надобности платить

деньги человеку, которого забрали и сейчас поведут в участок, спокойно положила свои четыре-нацать су в карман передника.

Кренкебиль, увидав вдруг, что его тележку отправляют на с'езжую и самого его арестовали,—одним словом, что под ногами у него разверзлась пропасть и солнце угасло для него, пробормотал:

— Вот так штука!

В участке старый господин заявил комиссару, что, остановившись среди улицы, вследствие скопления экипажей, он был свидетелем всего происшедшего и потому категорически утверждает, что никто не оскорблял городского бляха № 64, и тот просто-на-просто ослышался. На вопрос о своем имени и звании старик ответил, что он—доктор Давид Матье, главный врач больницы «Амбруаз-Парэ»—и кавалер ордена Почетного Легиона. В другое время подобное показание вполне удовлетворило бы полицейского комиссара, но в ту пору ученые были под подозрением. Кренкебиля оставили под арестом; он провел ночь в участке, а утром его в арестной фуре перевезли в арестный дом.

Тюремное заключение не показалось ему ни тягостным, ни унижительным, а просто неизбежным. При входе в тюремную камеру, его больше всего поразила чистота стен и плит, которыми был выстлан пол. И он невольно подумал:

— Вот уж если на счет чистоты, так тут, действительно, чисто. Что правда, то правда, хоть садись обедать прямо на полу.

Оставшись один, Кренкебиль захотел выдвинуть табурет, но заметил, что он прикреплен цепью к стене. И Кренкебиль громогласно выразил свое удивление.

— Что за странности! Вот уж до этого я никогда не додумался бы!

Кое-как усевшись, он стал вертеть пальцы и застыл в великом изумлении. Тишина и одиночество производили на него угнетающее действие. Ему стало скучно, и он с беспокойством думал о своей забранной на с'езжую тележке, еще полной капусты, моркови, сельдерея и салата.

— Куда они упрятали мою тележку?—с тревогой спрашивал он себя.

На третий день его посетил назначенный ему в защитники адвокат, метр *) Лемерль, один из самых молодых членов парижской адвокатуры, председатель одной из секций «Лиги французского отечества».

Кренкебиль попытался рассказать ему все обстоятельства своего дела и это стоило бедняге большого труда, так как он не обладал привычкою излагать свои мысли в стройном порядке. Может быть, ему и удалось бы кое-как справиться с этой задачей при некоторой помощи, но адвокат недоверчиво покачивал головой в ответ на все, что ему говорил Кренкебиль; он перелистывал принесенные с собою бумаги и бормотал:

— Гм, гм, в деле ничего подобного не имеется...

Затем, с утомленным видом он сказал, покручивая свои светлые усики:

— Вам было бы, пожалуй, полезнее сознаться. С своей стороны, я считаю ваш способ полного отпирательства крайне рискованным.

*) „Метр“—титул французских адвокатов.

С тех пор Кренкебиль готов был сознаться во всем, если бы только знал, в чем именно следовало ему сознаться.

III.

Кренкебиль на суде.

Судья Буриш посвятил целых шесть минут на допрос Кренкебиля. Допрос пролил бы больше света на дело, если бы обвиняемый толком отвечал на вопросы. Но Кренкебиль, вообще, не обладал привычкой вести беседу, а в присутствии таких высокопоставленных особ он от почтительности и страха боялся рот раскрыть. Поэтому он все больше молчал, и судья сам давал за него ответы — крайне неблагоприятные для подозреваемого. В заключение судья заявил:

— Итак, вы признаетесь, что сказали: «Смерть фараонам!»

— Я сказал: «Смерть фараонам!», потому что господин городской сказал: «Смерть фараонам!» А тогда я сказал: «Смерть фараонам!»

Кренкебиль хотел сказать, что, пораженный неожиданным обвинением, он невольно повторил несуразные слова, которые ему должно приписывали; на самом деле, он от себя их не произносил. Поэтому он и сказал: «Смерть фараонам!», что означало: «как, чтобы я, да стал ругаться подобным образом. И вы могли это предположить?»

Судья Буриш понял его совсем иначе.

— Так вы утверждаете, что городской первый произнес эти слова?

Кренкебиль отказался от дальнейших разъяснений. Слишком это было трудно.

— Значит, вы не настаиваете на этом. Хорошо делаете,—сказал судья.

И он распорядился, чтобы ввели свидетелей.

Первым свидетелем выступил городской бляха № 64, по имени Бастьен Матра. Он принес присягу, что будет говорить правду, одну только правду. Затем он изложил свои показания в следующих выражениях:

— Находясь 20-го октября, около полудня, на посту, я заметил на улице Монмартр человека, который показался мне торговцем в развоз; он остановился с своей тележкой прямо против дома № 328, мешая этим движению экипажей. Я трижды отдал ему приказ проезжать дальше и не загораживать дорогу, но он отказывался повиноваться, а когда я затем предупредил его, что составляю протокол, он в ответ крикнул мне в лицо: «Смерть фараонам!» что мне показалось оскорбительным.

Показание это, ясное и сдержанное, было выслушано судом с видимою благосклонностью. Со стороны защиты свидетелями были выставлены башмачница, мадам Байар, и старший врач больницы «Амбруаз-Парэ», Давид Матье, кавалер ордена Почетного Легиона. Мадам Байар показала, что ровно ничего не видала и не слышала; доктор Матье заявил, что находился в толпе, собравшейся вокруг городского, когда тот приказывал торговцу проезжать и не загораживать дорогу своей тележкой. Показание доктора Матье вызвало следующий инцидент:

— Я был свидетелем всего происшедшего от начала до конца,—сказал он,—и видел, что городской ошибается; его никто не оскорблял. Я подошел к нему и сказал это. Но он всетаки не отпустил торговца и предложил мне отправить-

ся вместе с ним в участок, что я и сделал. Там я повторил свое заявление полицейскому комиссару.

— Можете садиться, — сказал судья. — Пристав, пригласите сюда опять свидетеля Матра...

— Матра, когда вы производили арест обвиняемого, не говорил ли вам доктор Матье, что вы ошиблись?

— Он тоже оскорбил меня, господин судья.

— Что же он вам сказал?

— Он сказал: «Смерть фараонам!»

В публике поднялся шум и раздался хохот.

— Можете удалиться, — поспешно сказал судья.

Обратившись затем к публике, он заявил, что если подобные непристойные выходки повторяются, то он велит очистить зал. Защитник с торжествующим видом оправил рукава своей адвокатской мантии. Всем казалось в эту минуту, что Кренкебия оправдают.

В зале суда восстановилась тишина, и мэтр Лемерль поднялся с своего места. Он начал свою защитительную речь с восхваления полицейских агентов префектуры, «этих скромных служителей общества, [которые, получая до смешного малое жалованье, несут чрезвычайно тяжелые труды и подвергаются постоянным опасностям, ежедневно, можно сказать, совершая героические подвиги. Все это отставные солдаты, и на своем новом посту они продолжают быть солдатами. Да, они — солдаты, и этим все сказано...»

Тут мэтр Лемерль без всякого напряжения перешел к возвышенным рассуждениям о военной доблести. Он, по его словам, принадлежал к числу тех людей, которые никогда не позво-

дят задеть в чем-либо армию—ту национальную армию, к которой он имеет честь принадлежать, что и составляет его гордость».

Судья склонил голову.

Мэтр Лемерль, действительно, был поручиком запаса. Он был также кандидатом партии националистов по кварталу Вьейль-Одриет.

— Да, — продолжал он, — я вполне признаю всю важность скромных, но тем не менее неоцененных услуг, которые ежедневно оказывают городские неугомонному и задорному парижскому населению. И я, гг. судьи, никогда не согласился бы принять на себя защиту перед вами Кренкебиля, если бы полагал, что он нанес оскорбление солдату. Мой клиент обвиняется в том, что воскликнул: «Смерть фараонам!» Смысл этой фразы, конечно, не возбуждает никакого сомнения. Загляните в толковый словарь простонародного языка, и вы прочтете, что фараон—прозвище, применяемое в обиходной речи к полицейским служащим. Вопрос в том, каким тоном произнесены были Кренкебилем эти слова; действительно ли он произнес их на сей раз? Позвольте мне, гг. судьи, усомниться в этом.

— Я не подозреваю городского Матра ни в чем дурном. Но не следует упускать из виду, что, как мною уже замечено выше, он несет на себе очень тяжелый труд. Он часто бывает чрезвычайно утомлен, возбужден, измучен. А при таких условиях легко стать жертвою галлюцинации слуха. И когда он вдруг начинает утверждать, — как это только что здесь случилось, — что уважаемый доктор Матье, кавалер ордена Почетного Легиона, старший врач больницы Амбраз-Парэ, светило науки и человек из лучше-

го общества, будто бы тоже крикнул: «Смерть фараонам!»—то мы должны признать, что городской Матра, повидимому, страдает нервным расстройством, и даже, может быть, одержим манией преследования, если выражение это не покажется вам, гг. судьи, слишком резким.

— Но, предположим даже, что Кренкебиль, действительно, крикнул: «Смерть фараонам!» И в этом случае нужно еще выяснить, имели ли эти слова в его устах преступный характер. Кренкебиль—незаконный сын уличной торговли, погибшей от дурного поведения и пьянства; сам он—прирожденный алкоголик. Шестьдесят лет нищенской жизни лишили его человеческого образа. Взгляните на него и вы должны будете признать, что он совершенно невменяем.

Окончив свою защитительную речь, мэтр Лемерль сел на свое место, а судья Буриш прочитал сквозь зубы приговор суда, которым Жером Кренкебиль присуждался к заключению в тюрьме на две недели и к денежному штрафу, в размере пятидесяти франков. Приговор свой суд постановил на основании показаний городского Матра.

Когда после этого Кренкебиля повели по длинным мрачным коридорам здания суда, он почувствовал сильнейшую потребность в чьем-нибудь участии. Он обернулся к сопровождавшему его стражнику и трижды окликнул его.

— Служивый!.. Служивый!.. Служивый!..

Тут он испустил глубокий вздох.

— Кто бы мог подумать еще две недели тому назад, что со мною случится то, что случилось!..

Затем он высказал такое мнение:

— Они слишком скоро говорят, все эти гос-

нода. Очень хорошо говорят, только больно скоро. С ними невозможно объясниться толком... Верно я говорю, служивый?

Но стражник продолжал шагать рядом, не отвечая ни слова и даже не поворачивая головы.

Тогда Кренкебиль спросил его:

— Чего же ты мне не отвечаешь?

Но стражник продолжал хранить глубокое молчание. И Кренкебиль с горечью сказал ему:

— Даже с собакой, и с той разговаривают. Почему же ты не хочешь говорить со мной? Иль боишься открыть рот, потому что у тебя на него несет, как из помойной ямы?

IV.

В защиту судьи Буриша.

Когда судебный приговор был прочитан, несколько любопытных из публики и два-три адвоката покинули зал заседаний, а судебный пристав стал вызывать участников следующего дела. Уходившие не предавались никаким размышлениям по поводу процесса Кренкебиля; он их не интересовал, и они сейчас же забыли о нем. Один лишь Жан Лермит, гравёр по меди, случайно зашедший в суд, высказал некоторые мысли по поводу того, что только что видел и слышал.

Положив руку на плечо адвоката Жозефа Обарэ, он сказал ему:

«Следует воздать должную справедливость судье Буришу: он сумел уберечься от праздного любопытства и той гордыни ума, которая проявляется в стремлении знать все в точности. Если бы он вздумал сопоставить одно с другим

противоречивые показания городского Матра и доктора Давида Матье, то неминуемо вступил бы на путь сомнений и нерешительности. Метод, заключающийся в том, чтобы разобраться в факте по правилам строгой критики, несовместим с правильным отправлением правосудия. Если бы судья вздумал по неосторожности следовать этому методу, то его решения зависели бы от его личной мудрости, а она, в большинстве случаев, очень ограничена, а также от человеческой немощи присущей всем. Какой же авторитет имели бы такие решения? Нельзя отрицать, что исторический метод решительно непригоден для установления непреложных данных, в которых нуждается судья. В доказательство стоит только припомнить известный случай с сэром Вальтером Ралей *).

«Однажды Вальтер Ралей, сидя в Тоуэре и работая, по своему обычаю, над второю частью своей «Всемирной Истории», вдруг услышал, что под окном у него происходит драка. Он встал посмотреть на дерущихся и, вернувшись к работе, полагал, что прекрасно подметил все происходившее на дворе. Но когда, на другой день, он заговорил об этом происшествии с одним из своих друзей, который лично присутствовал при возникшей ссоре и даже принимал в ней непосредственное участие, то тот стал возражать ему по всем пунктам. Задумавшись о том, как трудно человеку знать истину об отдаленных событиях, если он так легко мо-

*) Знаменитый английский писатель и путешественник (1552—1618), открывший Виргинию в Америке, любимец королевы Елизаветы; при Иакове I был заключен на 12 лет в Лондонский Тоуэр. После экспедиции в Гвиану был обвинен в государственной измене и казнен.

жет ошибиться относительно того, что происходит даже у него на глазах, Ралей бросил в огонь рукопись своего сочинения.

«Если бы судьи,—продолжал Жан Лермит,—относились к истине с такой же щепетильностью, как сэр Вальтер Ралей, им пришлось бы бросить в огонь все свои судебные дела. А на это они не имеют права. Это было бы с их стороны преступлением, равносильным отказу правосудия.

«Судье следует отказаться от попыток узнать истину, но ему нельзя уклоняться от постановления судебного решения. Те, которые хотят, чтобы постановления суда были всегда основаны на обстоятельном расследовании фактов,—опасные софисты *) и коварные враги юстиции, как гражданской, так и военной. Судья Бурниш обладает юридическим умом и потому не ставит свои судебные приговоры в зависимость от разума и науки, выводы которых можно оспаривать до бесконечности. Он основывается на законах и руководствуется традициями, так что его решения, по своей авторитетности, ни в чем не уступают постановлениям церкви. Его приговоры имеют канонический характер. Я хочу сказать, что он заимствует их из известного числа священных канонов.

«Посмотрите, например, как он различает свидетельские показания не по шатким и обманчивым признакам вероятности и человеческой правды, а по признакам внутренним, вполне неизбывным и строго определенным. Он смотрит

*) Софисты (греческое слово)—люди, искажающие истину ложными по существу, хотя и правильными по форме, рассуждениями.

на них, как на своего рода оружие и взвешивает именно с этой точки зрения. Что может быть проще и в тоже время мудрее этого? Он считает неоспоримым показание полицейского служителя, устраняя при этом представление о последнем, как о человеке, и взирая на него совершенно отвлеченно, как на известный номер, занесенный в соответственные списки и занимающий определенное место в рядах идеальной полиции. Дело вовсе не в том, что некий Бастьен Матра, родом из Чинто-Монте, в Корсике, кажется ему человеком неспособным заблуждаться. Он нисколько не приписывает этому Бастьену Матра большой наблюдательности и не считает его способным применить сколько-нибудь точный и строго-логический метод к рассмотрению того или другого факта.

«Собственно говоря, он видит в нем не Бастьена Матра, а городского бляха № 64. Он полагает, что человеку вообще свойственно заблуждаться. Какой-нибудь Петр или Павел легко может впасть в ошибку. Декарт и Гассенди, Лейбниц и Ньютон, Биша и Клод Бернар *) вполне могут ошибаться. Все мы по-

*) Рене Декарт (1596—1650) — знаменитый французский математик и философ, считается отцом современной философии.

Пьер Гассенди (1592—1655) французский философ и астроном, противник Декарта, один из основателей сенсуализма, философского учения считающего источником познания внешние чувства.

Лейбниц (1646—1716) знаменитый немецкий ученый; изобрел дифференциальное исчисление.

Ньютон (1642—1727) — великий английский математик и астроном; открыл законы тяготения.

Биша (1776—1802) — знаменитый французский ученый врач.

Клод Бернар (1813—1878) — знаменитый французский физиолог.

стоянно ошибаемся. Причины наших заблуждений неисчислимы. Самые восприятия наших чувств и суждения нашего разума являются источником самообмана и причиной всяких неточностей в наблюдениях. Никогда не следует вполне доверять свидетельству отдельного человека. „*Testis unus—testis nullus*—“. Один свидетель—все равно, что ~~ни~~ одного». Другое дело номер; на него можно положиться. Бастьен Матра, из Корсики, вполне способен заблуждаться. Но городской бляха № 64, устраняя представление о нем, как о человеке, не может ошибаться. Это—некоторого рода метафизическая сущность. А метафизическая сущность не заключает в себе ничего такого, что свойственно живым людям, что их смущает, портит, вводит в заблуждение. Она неизменна и свободна от всякой примеси какого-либо постороннего элемента. Вот почему суд без всяких колебаний отверг показание доктора Давида Матье, который в его глазах был просто человеком, — и основал свой приговор на показании городского бляха № 64, ибо он представляет собой чистую идею, и как бы луч Божий, озаривший заседание суда.

«Действуя подобным образом, судья Буриш обеспечивает за собою известного рода непогрешимость, и притом такую непогрешимость, на которую только и может претендовать судья. Когда свидетелем перед судом является человек, вооруженный саблей, следует выслушивать саблю, а не человека. Человеком можно пренебречь, и он бывает неправ; саблей пренебречь нельзя, и она всегда права. Судья Буриш глубоко проникся духом закона. Фундаментом обществу служит сила, и потому силу должно ува-

жать, как священнейшую основу, всякого общественного строя. Задача правосудия заключается в управлении этой силой и поддержке ее. Судья Буриш прекрасно знает, что городской бляха № 64 представляет из себя некоторую, хотя бы и крохотную, частичку верховной власти. Каждый агент верховной власти является и носителем ее. Подорвать авторитет городского бляха № 64 значит способствовать ослаблению авторитета самого государства. «С'есть листок артишока—значит с'есть самый артишок», как выражается Боссюэт*) на своем возвышенном языке («Политика, извлеченная из Священного Писания»).

«Конья государства обращены все в одну сторону. Направить их одно против другого—значит разрушать государство. Вот почему обвиняемый Кренкебиль совершенно резонно был присужден к тюремному заключению на две недели и к денежному штрафу в пятьдесят франков, на основании показания городского бляха № 64. Я точно слышу, как судья Буриш именно таким образом объясняет сам те возвышенные и прекрасные мотивы, которые побудили его постановить вышеозначенный приговор. Я точно слышу, как он говорит:

— Я решил дело этого человека сообразно с показанием городского бляха № 64, потому что городской бляха № 64 выразитель правительственной власти. И чтобы признать мудрость моего образа действий, вам, господа, стоит лишь представить себе, что я поступил совершенно обратно. Вы тотчас же убедитесь, что

*) Боссюэт—епископ города Мо (1627—1704); знаменитый французский проповедник и писатель.

это было бы нелепостью. Если бы я постановлял решения, направленные против власти, то мои приговоры не приводились бы в исполнение. Заметьте, господа, что судьям повинуются лишь постольку, поскольку на их стороне стоит власть. Без жандармов, без полиции судья оказался бы жалким мечтателем. Я бы, несомненно, повредил себе, признав неправым жандарма или полицейского. К тому же это противоречит духу законов. Отнимать оружие у сильных и вооружать слабых значило бы изменять существующий общественный строй, а мое призвание заключается в том, чтобы охранять его. Юридическая правда не что иное, как признание всяких установленных несправедливостей. Разве юстиция восставала когда-нибудь против победителей или в чем-либо противодействовала захватчикам власти. Когда в государстве появляется незаконная власть, то дело юстиции признать ее, и тогда она делается вполне законной. Вся суть в форме, и только толщина одного листа гербовой бумаги отделяет преступление от невиновности. Лично от вас, Кренкебиль, зависело одержать верх. Если бы, крикнув полицейскому: «Смерть фараонам!», вы вслед затем добились провозглашения вас императором, диктатором, президентом республики или хотя бы даже муниципальным советником, я, будьте уверены, не приговорил бы вас к двухнедельному заключению в тюрьме и денежному штрафу в пятьдесят франков. Я не подверг бы вас никакой каре. Поверьте мне.

«Так, без сомнения, рассуждал бы судья Бурниц, ибо он обладает юридическим умом и ему хорошо известны обязанности судьи по отношению к обществу. Он правильно и добросо-

вѣстно защищает исповедуемые обществом принципы. Дело юстиции общественное; лишь бунтари требуют от нее человечности и сердечности. Правосудие должно отправлять по точно установленным правилам, отнюдь не руководясь порывами плоти и светом разума. В особенности не требуйте от правосудия, чтобы оно отличалось справедливостью; ему нет в этом никакой надобности, именно потому, что оно «правосудие», и я даже утверждаю, что самая идея «справедливого правосудия» могла возникнуть только в голове анархиста. Правда, судья Маньо часто постановляет справедливые приговоры, но их отменяют потом в кассационном порядке—что соответствует сущности правосудия.

«Истинный судья смотрит на свидетельские показания, как на своего рода оружие, и соответственно взвешивает их. Это можно усмотреть из дела Кренкебиля и из многих других, гораздо более громких дел».

Так говорил гравер Жан Лермит, без устали шагая взад и вперед по громадному залу, предназначенному для публики и незанятых на суде адвокатов.

Мэтр Жозеф Обарэ, адвокат, который хорошо знал состав суда, ответил ему на это, почесывая кончик носа:

— Если вы желаете знать мое мнение, то, признаться, я не думаю, чтобы судья Бурий поднимался на такие высоты метафизики. На мой взгляд, принимая свидетельское показание городского бляха № 64 за выражение истины, он просто следовал обычаю, установившемуся в судебной практике. Побудительную причину большей части людских поступков следует

искать в подражании. Нужно только применяться к общепринятым правилам—для того, чтобы прослыть в порядочном обществе порядочным человеком. Почтенными людьми называют, обыкновенно, тех, которые поступают как все.

V.

О том, как Кренкебиль покорился законам республики.

Когда Кренкебиля снова водворили в тюрьму, он уселся там на прикованный к стене табурет, преисполненный изумления и преклонения перед судом. Он в точности сам не знал, ошиблись ли судьи или нет. Слабости судебного производства сокрылись от него под покровом величия внешних форм. Он никак не мог представить себе, чтобы прав был он, Кренкебиль, а не судьи, хотя решительно не понимал на каком основании они постановили свой приговор. Он просто не допускал в мыслях возможности какого-нибудь из'яна в столь прекрасной церемонии. Он, ведь, никогда не ходил в церковь, не бывал на торжественных приемах в Елисейском дворце *) и потому во всю жизнь свою не видывал ничего столь внушительного, как это заседание суда. Он прекрасно знал, что не крикнул: «Смерть фараонам!» А то, что его присудили за произнесенные им слова к двухнедельному тюремному заключению, представлялось ему священной тайной, как бы одним из тех символов веры, которые должно исповеди-

*) Дворец в Париже, в котором живет президент республики.

вать, не вникая в их смысл—каким-то темным, поразительным, восхитительным и в то же время страшным откровением.

Бедный старик признавал себя виновным в том, что мистическим образом оскорбил городского бляха № 64,—подобно тому, как маленький мальчик, учащийся катехизису, признает себя виновным в грехе Евы. Ему, путем ареста, было внушено, что он крикнул: «Смерть фараонам!»—значит, он каким-то таинственным, неведомым ему самому способом, действительно, крикнул: «Смерть фараонам!» Он очутился в сверхъестественном мире. Приговор суда носил в его глазах апокалипсический характер.

Но, если он не имел ясного представления о своем проступке, то еще менее ясной была для него его кара. Обвинительный приговор суда казался ему ослепительным, торжественным актом высшей мудрости, чем-то ослепительным, чего нельзя уразуметь, что не подлежит обсуждению, чем нельзя ни хвалиться, ни огорчаться. Если бы в эту минуту он вдруг увидел, что судья Бурин в сверкающем ореоле вокруг головы спускается к нему на белых крыльях через отверстие потолка, он несколько не удивился бы этому новому проявлению величия суда. Он подумал бы про себя: «Это, должно быть, продолжение моего дела».

На следующий день Кренкебиля навестил его адвокат.

— Ну, что, вам здесь не очень плохо? Не падайте духом. Две недели быстро пройдут. Вы еще сравнительно хорошо отделались.

— Да, судьи очень милостиво со мной обходились,—уж это что и говорить. И вежливые какие—ни разу не обругали меня. А служивый,

что провожал меня сюда, даже надел белые перчатки. Видели вы?

— По здравому обсуждению выходит, что мы с вами хорошо сделали, построив защиту на сознании.

— Пожалуй, что так.

— Я принес вам хорошую весть, Кренкебиль; один добрый человек, которого мне удалось заинтересовать в вашей судьбе, дал мне для вас пятьдесят франков. Эти деньги и пойдут на уплату штрафа.

— Так, когда же вы отдадите мне эти пятьдесят франков?

— Я их внесу в кассу суда. Так что об этом уж не заботьтесь.

— Ну, что делать. Во всяком случае, спасибо доброму человеку.:

И Кренкебиль, в раздумьи, пробормотал:

— Да, очень уж необычная история приключилась со мною.

— Не преувеличивайте, Кренкебиль. Подобные дела у нас совсем не в редкость.

— А не можете ли вы сказать, куда они девали мою тележку?

VI.

Кренкебиль перед судом общественного мнения.

По выходе из тюрьмы, Кренкебиль стал по-прежнему развозить свой товар по улице Мон-мартр, покрикивая: «Вот капуста, репка, морковка!» Он не гордился своим приключением, но и не стыдился его. Оно не оставило в нем никаких тягостных воспоминаний. Все случившееся представлялось ему в мыслях чем-то вро-

де театрального представления, путешествия или сновидения. Особенно его радовало то, что он снова ходит по грязной мостовой, что над головою у него небо, мокрое и грязное, как и канава, и все-таки столь милое ему небо родного города. Он останавливался у каждого кабачка, чтобы пропустить стаканчик винца, а затем, свободный и довольный, поплевав себе на руки, чтобы увлажнить мозолистые ладони, снова брался за ручки тележки и вез ее дальше по улице. Его обычный крик: «Вот капуста, вот репа, морковка!» спугивал стаи воробьев, — таких же, как и он бедняг, которые подымались спозаранку и добывали себе скудный корм по дорогам.

К нему подошла старая женщина и, шупая сельдерей, спросила:

— Что с вами приключилось, дядя Кренке-биль? Вас недели три не видать было. Верно хворали? Вы и с лица осунулись.

— Нет, мадам Майльлош; я просто это время жил да поживал себе барином.

Ничто не изменилось в его жизни, разве только то, что он стал заходить выпить чаще, чем прежде. Ему все казалось, что праздник и что надо вспрыснуть, как следует, свое знакомство с хорошими людьми. Он нередко возвращался к себе в подвал навеселе. Растянувшись на своей тощей перине, он натягивал на себя, вместо одеяла, мешки, которые ему одолжил знакомый торговец жареными каштанами и предавался размышлениям: «Да, тюрьма, — думал он, — не так уж плоха; все то у тебя там готовое; а все-таки дома как будто лучше будет».

Однако, довольство его недолго длилось. Он

стал вскоре замечать, что покупатели что-то косятся на него.

— У меня сегодня отличный сельдерей, мадам Куантро. Не возьмете ли?

— Нет, мне ничего не нужно.

— Как так ничего? Не воздухом же вы питаетесь!

Но мадам Куантро ничего ему не ответила и с гордым видом прошла в принадлежавшую ей большую булочную.

Лавочницы и привратницы, в былые времена окружавшие тесною толпою его тележку, наполненную свежою зеленью, теперь стали вдруг отворачиваться от него.

Однажды, добравшись до башмачной лавки, под фирмою «Ангела-Хранителя», у которой, собственно, и начались его судебные приключения, Кренкебиль крикнул башмачнице:

— Мадам Байар, а мадам Байар, послушайте-ка, ведь вы мне должны пятнадцать су, помните за тот раз-то!

Но сидевшая за своей конторкой мадам Байар даже не повернула голову в его сторону.

Вся улица Монмартр знала, что дядя Кренкебиль только что вышел из тюрьмы, и вся улица Монмартр порвала с ним всякие отношения. Молва о том, что он понес наказание по суду, достигла даже до улицы предместья Монмартр и до шумного угла улицы Рише. Там-то он однажды около полудня увидал, что мадам Лора, одна из лучших постоянных его покупательниц, стояла, наклонясь над тележкой маленького Мартена и шупала большой кочан капусты.

Ее волосы блестели на солипе, как золотые нити, скрученные в большой узел. А маленький Мартен, — это сущее ничтожество, эта грязная

обезьяна, — клялся ей, положив руку на сердце, что ни у кого нет лучшего товара, чем у него. При этом зрелище сердце у Кренкебиля облилось кровью. Он быстро подкатил свою тележку к самой тележке Мартена и жалобным, надтреснутым голосом сказала мадам Лоре:

— Не хорошо с вашей стороны изменять мне!

Мадам Лора, как она сама и не отрицала, была далеко не принцесса. Представление об арестантской фуре и полицейском участке она получила не в высшем свете. Но можно сохранять свое достоинство во всяком общественном положении — не так ли? Никому нет охоты унижить себя и знаться с человеком, сидевшим в тюрьме. А потому она приняла неприступный вид в ответ на слова Кренкебиля. И старик, живо почувствовав нанесенную ему обиду, прорычал:

— Шлюха!

Мадам Лора выронила из рук кочан капусты и воскликнула:

— Ах ты, старая кляча. Только что выпустили его из тюрьмы, а он туда же, смеет поносить людей!

В спокойном состоянии духа Кренкебель никогда бы не позволил себе упрекнуть мадам Лору ее ремеслом. Он слишком хорошо знал, что жизнь обыкновенно складывается не так, как хотелось бы, что человек не сам выбирает себе профессию, и что хорошие люди встречаются везде и повсюду. А потому он держался мудрого правила не интересоваться личными делами своих покупателей, и никого не презирал. Но на этот раз он положительно вышел из себя и еще раз обругал мадам Лору шлю-

хой, потаскушкой, стервой. Вокруг них собралась кучка любопытных; а они все продолжали обмениваться столь же отборными комплиментами, и, вероятно, скоро использовали бы весь свой запас ругательств; но около них вдруг появился полицейский. Его молчаливая фигура, неподвижно уставившаяся на них, сразу охладила их пыл. Они онемели и разошлись в разные стороны; но это происшествие окончательно погубило Кренкебиля во мнении всех обитателей Монмартрского предместья и улицы Рише.

VII.

Последствия.

Старик, уходя, проворчал себе под нос:

— Вот уж потаскушка-то. Другой такой на всем свете не сыщешь.

Но в глубине души он упрекал ее вовсе не за это. Он и не думал презирать ее за ее ремесло, а напротив того, — даже питал к ней известное уважение, зная ее за женщину весьма обстоятельную и очень экономную. В былые время они охотно беседовали друг с другом. Она рассказывала ему про своих родных, которые жили где-то в деревне. И оба выражали одно и то же желание обзавестись собственным огородом и разводить кур. Она была одной из лучших его покупателей. Вот почему, увидав, что она торгует капусту у маленького Мартена, — этой грязной обезьяны, этого полнейшего ничтожества, — он почувствовал как бы удар прямо в сердце. А когда она состроила презрительную гримасу по его адресу, его точно муха уку-

сила в нос; ну, и он, конечно, в долгу не остался...

Хуже всего было то, что не одна она стала обращаться с ним, как с зачумленным. Никто его больше знать не хотел. Подобно мадам Лоре, и булочница мадам Куантро, и хозяйка сапожного магазина под фирмою «Ангела-Хранителя», мадам Байар, относились к нему с нескрываемым презрением и чуждались его. Словом, все общество отвернулось от него.

Так значит, потому только, что его засадили на две недели в кутузку, он уж не годен даже на то, чтобы торговать пореем? Где же тут справедливость? Неужели же дадут честному человеку умирать с голоду только потому, что он не поладил с полицией. Ведь если ему бросить свою торговлю овощами, то придется околевать, как собаке под забором.

И Кренкебиль стал киснуть, подобно плохо выдержанному вину. После «разговора» с мадам Лорой, у него то и дело происходили подобные же «разговоры» и с другими. Он по всякому малейшему поводу высказывал всем самую горькую, обидную правду, и, поверьте, нимало не стеснялся при этом в выражениях. Чуть только покупательница позволяла себе немного порываться у него в товаре, как он сейчас же обзывал ее в лицо скупердягой и ведьмой. Точно так же и в кабаках он постоянно ругался с товарищами. Приятель его, торговавший в углу каштанами, перестал с ним здороваться и говорил, что этот чортов Кренкебиль превратился в настоящего ежа. И это была сущая правда; он, действительно, сделался сварливым, дерзким на язык, несносным крикуном. Находя современный общественный строй не-

совершенным, он не умел с тою же легкостью, как какой-нибудь профессор университета по кафедре нравственных или политических наук, изложить свои взгляды на необходимость реформ; и мысли у него в голове не текли с достаточною стройностью и последовательностью.

Приключившаяся с ним беда делала его несправедливым. Он мстил за нее тем, кто отнюдь не желал ему зла, а подчас и тем, кто был слабее его. Так, раз он дал затрещину маленькому сынишке соседнего трактирщика, Альфонсу, за то только, что тот спросил его, хорошо ли сидеть в кутузке.

— Паршивец! Это твоего отца следовало бы посадить туда, чтобы он не обогащался, отравляя своим ядом честной народ!

И поступок этот, и слова, сказанные им, не приносили ему чести, потому что, как справедливо заметил ему торговец каштанами, ребенка никогда не следует бить. И тем более не следует попрекать его тем, каков у него отец; ведь, не сам же он выбирал его себе.

Кренкебель принялся пьянствовать. Чем меньше у него оказывалась дневная выручка, тем больше он тратил денег на водку. Будучи раньше человеком умеренным и бережливым, он сам не мало дивился происшедшей с ним перемене.

— Я никогда не был лодырем, — говорил он себе. — Должно быть, к старости все люди становятся менее рассудительными.

Иногда он строго осуждал себя за дурное поведение и лень.

— Эх, старик, — говорил он себе, — ты, кажется, стал годеи только на то, чтобы сло-
няться из угла в угол да пьянствовать.

Иногда же он пытался обмануть себя и уверить, что пьет по необходимости.

— Нужно же мне время от времени выпить стаканчик - другой винца, чтобы подкрепить силы и освежиться; у меня внутри наверно что-нибудь обожжено. А в таких случаях нет другого средства, кроме вина...

Он стал нередко опаздывать по утрам на ранний утрешний торг в центральном рынке, и ему приходилось тогда брать плохой, попорченный товар, который ему отпускали в кредит. Однажды, почувствовав слабость в ногах и усталость в душе, он даже совсем не выехал со своей тележкой, а целый день, с утра и вплоть до самого вечера, прошатался, толкаясь между ларем мадам Розы, торговки потрохами, и многочисленными кабачками, вокруг центрального рынка. Вечером, присев на корзинку, он задумался о себе и понял глубину своего падения. Припомнил он свою былую силу и прежние труды, напряженность усилий и хорошие выручки, бесконечную вереницу дней, одинаковых и заполненных делом. Он вспоминал ночное хождение по плитам центрального рынка, в ожидании утреннего торга, груды закупленных овощей, которые он затем так красиво размещал в своей тележке. Выпьет он, бывало, после этого, на ходу, чуть ли не одним глотком стаканчик горячего черного кофе у тетки Теодоры, и, крепко ухватившись за ручки тележки, выезжает со своим товаром. Звонко раздается на утреннем воздухе его крик, бодрый, как петушиное пенье, и он принимается за обычный обезд шумных улиц. Так проходила вся его жизнь, невинная и тяжелая жизнь человека-лошади, который в продолжение це-

лого полувека приносил на своем передвижном прилавке свежую жатву огородов горожанам, изнуренным бессонными ночами и заботами.

И покачав головою, он глубоко вздохнул.

— Конечно! — сказал он. — Нет уже во мне прежней силы и бодрости. Видно, настал мне капут. Повадился кувшин по воду ходить, там, видно, ему и голову сложить. А после суда и тюрьмы у меня и характер испортился. Я теперь совсем не тот, что прежде.

Одним словом, он совсем опустился. Кто дошел до подобного состояния, — все равно; что человек, упавший наземь и неспособный более подняться на ноги. Всякий, кто идет мимо, натывается на него.

VIII.

Окончательные последствия.

Наступила нужда, черная нужда. Старый уличный торговец, возвращавшийся, бывало, из Монмартрского предместья с множеством пяти-франковых монет, теперь не имел ни гроша в кармане.

Время было зимнее. Кренкебиля выселили из его подвала, и он располагался на ночлег где-нибудь в сарае под телегами. Но потом почти целый месяц непрерывно лил дождь, все сточные трубы переполнились, и сарай, где он ютился, затопило водою.

Примостившись кое-как на своей тележке, над потоками вонючей воды, в обществе пауков, крыс и голодных кошек, он размышлял в потемках. Он целый день ничего не ел; не было у него мешков торговца каштанами, чтобы при-

крыть от стужи свое грешное тело, и ему невольно вспомнились те две недели, когда правительство доставляло ему и кров и пищу. Он теперь завидовал заключенным в тюрьму, которым не приходится страдать от холода и голода. И вот, ему пришла в голову такая мысль:

— Раз я знаю, как это делается, почему бы мне и не прибегнуть к такому средству?

Он встал и вышел на улицу. Было не больше одиннадцати часов вечера. Погода стояла отвратительная; царил страшная темь. Сверху падала мелкая изморозь, хуже пронизывавшая до костей, чем холодный дождь. Редкие прохожие старались держаться около самых стен домов.

Кренкебиль прошел мимо церкви Св. Евстафия и повернул на улицу Монмартр. Она была совершенно пустая. Лишь один городской стоял неподвижно на тротуаре, у церковной паперти, около самого газового фонаря, при свете которого видно было, как капли мелкого дождя падали на капюшон полицейского. Казалось, что он оцепенел от холода, и все-таки, потому ли, что он предпочитал свет тьме, или же очень устал от ходьбы, но он упорно не отходил от фонаря. Может быть, он чувствовал в нем как бы товарища, друга. Колеблющееся пламя газового рожка было его единственным собеседником в эту одинокую ночь. В своей неподвижности городской даже утратил определенность человеческого образа. Отражение его сапог в луже тротуара, расплывавшейся в целое озеро, становилось как бы его продолжением вглубь и придавало ему издали вид тигантской амфибии, на половину выползшей из вод. Вблизи, в своем капюшоне и вооружении, он имел вид не то

монаха, не то солдата. Крупные черты его лица, выступавшие особенно резко под тенью капюшона, имели миролюбивое и в то же время печальное выражение. Над верхней губой торчали густые короткие усы с проседью. Он был старый полицейский служака, лет около сорока.

Кренкебель тихо подошел к нему и нерешительно, слабым голосом произнес:

— Смерть фараонам!

Затем он стал выжидать действия этих магических слов. Однако, никакого действия они не возымели. Полицейский продолжал попрежнему стоять неподвижно в полном безмолвии, скрестив руки на груди под своим коротким плащем. Его большие, широко раскрытые, глаза, ярко блестевшие в ночном сумраке, были устремлены на Кренкебеля с выражением печали, бдительности и вместе с тем презрения.

Кренкебель, крайне удивленный, но все еще сохраняя остаток решимости, снова пробормотал:

— Это я по вашему адресу сказал: «Смерть фараонам!»

Наступила снова длинная пауза, в продолжение которой лишь моросил мелкий, холодный дождик, да царил ледяной мрак. Наконец, городской заговорил:

— Не следует ругаться такими словами... Совсем не следует... В ваши годы пора бы это знать! Проходите своей дорогой!

— Почему же вы не арестуете меня? — спросил Кренкебель.

Полицейский покачал головой, покрытой мокрым капюшоном.

— Если хватать всякого пьянчугу, который

мелет вздор, то не обобратся бы работы. Да и к чему?..

Кренкебиль, совершенно подавленный столь великодушным презрением, долго стоял посреди лужи, как дурак, не произнося ни слова. Прежде чем уйти, он попробовал было объяснить.

— По правде говоря, я это не на ваш счет сказал. И никого другого я не хотел обругать. Я это сказал... потому что мне это нужно...

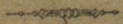
Полицейский кротким, но строгим голосом ответил ему:

— Нужно ли или не нужно, — а всетаки не следовало. Раз человек исполняет свой долг, да притом еще переносит не мало муки, не должно оскорблять его глупыми словами. Так вот лучше ступайте своей дорогой.

И Кренкебиль, низко опустив голову и размахивая руками, уныло побрел дальше под дождем и скоро скфылся в ночном мраке.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие Зии. Венгеровой. . .	5—15
I. Кренкебиль.	17—19
II. Что именно случилось с Кренке- билем.	20—28
III. Кренкебиль на суде.	28—33
IV. В защиту судьи Буриша.	33—41
V. О том, как Кренкебиль покорился законам республики.	41—43
VI. Кренкебиль перед судом обще- ственного мнения.	43—47
VII. Последствия.	47—51
VIII. Окончательные последствия. . . .	51—54

Состоящее при Народном Комиссариате по Просвещению издательство „*Всемирная Литература*“ ставит своей задачей дать в переводе на русский язык все наиболее выдающиеся произведения мировой художественной литературы, начиная с конца XVIII века и до наших дней.

С этой целью издательство „*Всемирная Литература*“ выпускает в свет две серии книг: основную и народную библиотеку.

Основная библиотека включает в себе собрание сочинений европейских, американских и колониальных писателей, избранных с таким расчетом, чтобы книги этой серии по окончании издания составили систематически подобранную библиотеку, могущую служить не только материалом для чтения, но также пособием к изучению истории мировой литературы во всем разнообразии ее национальных оттенков, литературных школ, течений и художественных форм изложения.

Составляя неразрывные части единого целого, книги основной библиотеки бу-

дут по техническим условиям выходить вне порядка, указанного в каталоге, а в зависимости от времени их напечатания.

Общее количество книг основной библиотеки—около 1500 томов. Средний размер тома—около 20 печатных листов (320 стр.).

Народная библиотека состоит из небольших по объему книг, доступных пониманию и восприятию самых широких масс русской демократии.

Пользуясь художественной литературой, как могучим средством культурного воздействия и международного единения, народная библиотека имеет целью познакомить читателя с наиболее интересными особенностями исторических судеб, культуры, быта и психики европейских наций, а главное—с теми сокровищами веками накопленных знаний и культурных навыков, которые, являясь достоянием всего человечества, служат надежным залогом братства всех людей—залогом грядущего Интернационала.

Количество книг народной библиотеки—около 2500 томов. Размер отдельного тома—около 4 печ. листов (64 стр.).

Книги обеих библиотек снабжены необходимыми пояснениями и вступительными

Издательство „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“.

статьями как историко-литературного, так и общеобразовательного содержания.

В первую очередь выйдут в свет переводы с французского, английского, немецкого, итальянского, испанского, португальского, шведского, норвежского, датского и голландского языков. Вторую очередь составляет литература западных славян, мадьяр, а также отдельная обширная серия литератур и словесности Востока.

Заведующие Издательством: *М. Торький, Э. М. Гржебин, М. П. Ладыжников, А. Х. Мухомов.*

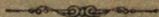
Редакционная Коллегия экспертов:

Ф. Д. Батюшков, А. А. Блок, Ф. А. Браун, А. Л. Волинский, М. Торький, Х. С. Тумилев, А. Я. Лебиксон, Т. Л. Лозинский, А. Х. Мухомов, К. Чуковский.

В редакционной работе принимают участие:

Е. А. Агамов, В. А. Азов, Ю. М. Айхенвальд, А. В. Амфитеатров, А. М. Аничкова, Ю. К. Балтрушайтис, К. Д. Бальмонт, А. Х. Бенуа, Е. М. Браудо, В. А. Брик, А. А. Брок, В. Я. Брюсов, Э. Я. Венгерова, А. В. Танзен, М. О. Тершекзон, А. А. Ти-

зетти, Э. Х. Типпиус, Л. П. Ткедич,
М. М. Тревс, Р. Т. Тригорьев, Б. А. Трифцов,
П. К. Тубер, А. Ф. Даманская, Ю. Х. Данзас,
О. А. Добиаи, М. А. Жирмунский, Б. А. Жу-
ховецкий, Е. К. Замятин, С. М. Зарудный,
Ф. Ф. Зелинский, Вяч. Иванов, В. П. Изма-
кова, Вл. Каренин, Л. П. Карсабин, Л. С. Ко-
ган, А. Ф. Коки, М. А. Кузмин, А. М. Куприн,
М. Е. Левберг, А. О. Лернер, Е. П. Леткова,
М. Л. Лозинский, А. В. Луначарский, Е. Т.
Лундберг, М. И. Манухина, П. П. Муратов,
С. Ф. Ольденбург, П. П. Перцов, С. А. Поляков,
Х. И. Потапенко, С. Э. Раглов, Э. Л. Раг-
лов, А. М. Ремизов, А. Х. Римский-Корса-
ков, А. Х. Серебров, Б. П. Сильберсван,
Ф. Сологуб, В. В. Струве, Я. Мугендхольд,
Т. П. Фёдоров, В. Ф. Ходасевич, М. Цве-
таева, А. Х. Чеботаревская, В. А. Чудовский,
Х. Л. Шапир, С. И. Штейн, С. В. Штейн,
Б. М. Эйхенбаум и др.

Издательство „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“.

ВЫШЛИ В СВЕТ И ПРОДАЮТСЯ.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОТЕКА:

<i>А. Лесаж</i>	— Хромой бес. Тюркаре.
<i>Г. де-Мопассан</i>	— Милый друг.
<i>А. Франс.</i>	— Остров Пингвинов.

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА:

№№

1. <i>О. Мирбо</i>	— Деревенские рассказы.
2. <i>Мюльтатули</i>	— Рассказы.
3. <i>Марк Твен</i>	— Приключения Тома.
4. <i>Г. Д'Аннунцио</i>	— Пескарские рассказы.
5. <i>А. Шлемисо</i>	— Петер Шлемиль.
6. <i>А. Флан</i>	— Дело уличного торговца.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОТЕКА:

<i>Ч. Диккенс</i>	Повесть о двух городах.
"	— Наш общий друг.
"	— Большие ожидания.
"	— Жизнь и приключения
Николая Никкльби.
"	— Жизнь и приключения
Мартина Чеззльвита.
"	— Домби и Сын.
<i>А. Лесаж</i>	— Жиль Блаз.
<i>Г. Флобер</i>	— Салаambo.
"	— Воспитание чувства.
<i>Г. де-Мопассан</i>	— Сильна как смерть.
<i>Вальтер Скотт</i>	— Уэверли.
"	— Роб-Рой.

<i>Гонкур</i>	— Братья Земганно.
<i>Б. Ибаньес</i>	— Власть мертвых.
<i>Лили Браун</i>	— Письма маркизы.

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА:

<i>Марк Твен</i>	— Принц и нищий.
<i>Б. Ибаньес</i>	— Валенсиянские расск.
<i>Вальтер Скотт</i>	— Черный карлик.
<i>Г. Уэллс</i>	— Спящий пробуждается.
"	— Машина времени.
"	— Невидимка.
"	— Борьба миров.
<i>А. Франс</i>	— Чудо св. Николая.
"	— Сказка о сорочке.
<i>М. Сьерра</i>	— "Благословенная весна.
<i>Л. Нордстрем</i>	— Обыватели.
<i>Дж. М. Барри</i>	— Белая птичка.
<i>Г. Р. Хапард</i>	— Копи царя Соломона.
<i>Г. Деледда</i>	— Сардинские рассказы.
<i>Г. аф-Гейерстам</i>	— Любовь и др. рассказы.
<i>Ю. Юриенсон</i>	— Африканские рассказы.
<i>О. Гольдсмит</i>	— Векфильдский священник.
<i>Г. Федерер</i>	— Прометей и др. расск.
<i>Д. Лондон</i>	— Сын волка.
<i>И. Банг</i>	— Четыре диавола.
<i>И. Иенсен</i>	— Гиммерландские расск.
<i>О. Уайльд</i>	— Сказки.
"	— Гранатовый дом.
"	— Рассказы.
<i>Вольтер</i>	— Загид.
<i>С. Т. Кольридж</i>	— Поэма о старом моряке.
<i>Робин Гуд</i>	— Поэма.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА"
ПЕТЕРБУРГ
Проспект 25 октября, 6. Невский, 64.

ЦЕНА 2 РУБ.

